

НЕОДНОРОДНОСТЬ ЕДИНИЦ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ И МЕТОДЫ ЕЕ ОПИСАНИЯ

Н.С. Жукова

Аннотация. Рассматривается морфологическая подсистема немецкого языка, описание которой вызывает споры среды лингвистов. На основе анализа лингвистической литературы и языкового материала показано, что отсутствие единства мнений относительно членения морфологических категорий объясняется как сложностью и противоречивостью самого объекта исследования, так и расхождениями методологического характера и применением различных методов лингвистического описания. В связи с этим уточняется статус единиц морфологического уровня в системе языка по отношению к единицам синтаксического и лексического уровней, который определяет онтологическое своеобразие объекта исследования данной статьи – морфологической подсистемы. С учетом онтологических характеристик единиц морфологического уровня обосновывается целесообразность использования дифференцирующего метода при описании морфологических категорий современного немецкого языка, в соответствии с которым выделяются различные типы глагольных парадигм в его системе. Показано наличие асимметрии в строении парадигмы отдельных категорий, что соответствует конкретно-историческому состоянию анализируемых категорий немецкого языка и отражает, в соответствии с гетерогенностью морфологического уровня, существующие на его синхронном срезе явления различной хронологической давности и разной значимости для современного состояния немецкого языка.

Ключевые слова: морфологические категории; дифференцирующий метод; унифицирующее описание; синкретизм; омонимия; супплетивизм; полная, редуцированная и сверхполная парадигмы; гетерогенность.

Введение

Единицы языковой системы, отношения и связи между ними исследователь познает в результате многочисленных наблюдений и обобщений (о соотношении речевой деятельности, языкового материала и языковой системы как трех аспектах языка см.: [1. С. 26]). Какая языковая система в результате этого будет представлена лингвистом, насколько она будет отвечать критерию адекватности объекту исследования – все это непосредственно зависит от применяемых ученым методов ее описания.

Это подтверждает различное толкование одних и тех же фактов того самого языка в соответствующий период его истории. Например,

по-разному интерпретируется число словоформ в парадигме глагола современного немецкого языка. Ср.:

Indikativ	Präteritum	Indikativ	Präteritum
Singular	Plural	Singular	Plural
1. -	-en	Nicht-2. -	-(e)n
2. -st	-t	2. -st	-t
3. -	-en		

[4. S. 13]

[2. S. 24; 3. S. 432]

Разногласия относительно числа словоформ в одной и той же парадигматической системе имеют место не только в германских, но и в славянских языках. Так, при описании именной парадигмы русского языка одни ученые выделяют 6 падежей, другие – 8, а в исследовании А.А. Зализняка склонение русского имени существительного содержит до 14 падежей [5. С. 2002]. Анализируя подобные противоречивые мнения, А.А. Зализняк пишет о «формальном» и «семантическом» подходе при определении количества падежей. «Одно и то же грамматическое явление может быть описано либо как наличие в языке особого морфологически несамостоятельного падежа, либо как чисто синтаксическая особенность» [6. С. 69]. Спорным является также вопрос о включении в падежную систему различных прибалтийско-финских языков особого винительного падежа [7. С. 025].

Подобные разногласия при трактовке состава морфологических категорий объясняются использованием разных методов их описания. Выбор метода описания напрямую зависит от понимания ученым онтологии объекта исследования – языковой системы как объективно существующей и развивающейся реальности, для адекватной передачи которой он и выбирает соответствующий метод лингвистического описания.

Методология и методы исследования

Языковая система как иерархически организованное целое постоянно трансформируется, эти изменения охватывают уровни языковой системы неравномерно. В научной литературе представлено мнение, в соответствии с которым различные уровни системы языка подвергаются изменениям не одновременно, а логическая зависимость единиц одного уровня языковой системы от структурных явлений другого уровня отражает, вероятно, и их историческую производность. В связи с этим утверждается первичность лексического перед грамматическим [8. С. 9].

Сравним в этой связи положение, которое содержится в трудах лингвистов прошлого и настоящего, о временной последовательности

возникновения лексического и грамматического (в частности, морфологического) уровней языка. В отечественном языкознании данная точка зрения имеет традицию, идущую от А.А. Потебни [9], который подчеркивал первичность лексического перед грамматическим. На основе сравнительного изучения памятников славянской письменности, А.А. Потебня сделал заключение, что по направлению к прошлому уменьшается различие между именем существительным и прилагательным, уменьшается «гегемония» глагола в предложении и постепенно сходит на нет удельный вес гипотаксиса и увеличивается удельный вес паратаксиса. Экстраполируя эту тенденцию в доисторическое прошлое языка, он выдвигает гипотезу о сравнительно позднем периоде образования грамматических форм [Там же. С. 35].

Развивая эту мысль, И.И. Мещанинов приходит к выводу, что части речи имеют свою историю, что они появляются не одновременно, а постепенно, по мере выработки их грамматических формантов, и что превращение лексемы в грамматическую морфему есть качественное изменение в языке [10. С. 84]. (Ср. в этой связи актуальные в современном языкознании работы зарубежных типологов по «теории грамматикализации» К. Лемана [11], Б. Хайне [12], Д. Байби [13], П. Хоппера [14], Э. Траугот [14] и др.) Представители данного лингвистического направления также стремятся с целью «лучшего понимания и использования языка» объяснить пути грамматической эволюции [12. С. 584], выделяя этапы становления грамматических значений и, соответственно, возможные механизмы преобразования лексических средств в грамматические.

Еще задолго до создателей «теории грамматикализации» отечественные лингвисты изучали условия и механизмы становления грамматических значений и средств их вербализации. Анализируя историю возникновения частей речи, И.И. Мещанинов [15] подчеркивал, что грамматические категории частей речи вырабатываются в процессе функционирования слов с соответствующей семантикой в качестве тех или иных членов предложения. Другими словами, он связывал становление морфологических форм не только с преобразованием соответствующих лексем, но и предлагал учитывать условия их функционирования – синтаксический уровень.

Примером смены лексических единиц грамматическими для выражения соответствующих понятий являются также супплетивные образования, представленные во всех индоевропейских языках. Они отражают различный уровень абстрактности в мышлении людей древности и свидетельствуют о логическом обобщении изначально разных понятий. Логическое обобщение в языке сопровождается объединением в одну систему первоначально различных лексем, становящихся супплетивными формами одного слова. «Так называемые супплетивные

основы глаголов, степеней сравнения, личных местоимений пережиточно отражают первоначальную дифференцированность в более конкретном мышлении таких понятий, которые в результате дальнейшей работы мышления подвергаются логическому обобщению» [16. С. 55].

В.З. Панфилов аналогично объясняет супплетивные формы степеней сравнения прилагательных «...предшествующим этапом развития языков, когда различие в степени интенсивности качественного признака фиксировалось *различием в самих лексемах* (выделено мной. – Н.Ж.)» [17. С. 224]. В дальнейшей истории языка такой способ объективации в его системе разных ступеней интенсивности того же самого признака качества сменяется *грамматическим способом изменения формы того же слова*.

Для подтверждения положения о первичности лексического перед грамматическим (морфологическим) можно привести немало примеров о возникновении грамматических формантов из лексических единиц в самых различных языках. Ср. в этой связи: «...наблюдение над образованием новых форм слов в те эпохи жизни языков, которые доступны для исторического изучения, показывает, что суффиксы и префиксы форм слов могут происходить из отдельных слов с формальным значением (а формальное значение слов само развивается из неформального), причем, следовательно, и основы слов в таких формах (т.е. части слов с неформальным, материальным значением в данной форме) оказываются происшедшими из отдельных слов» [18. С. 118–119]. В качестве примера Ф.Ф. Фортунатов приводит формы будущего времени глагола на -ai, -as и т.д. во французском языке и префикс в форме прошедшего времени, называемый аугментом, в греческом языке. Возникновение формальных морфем из самостоятельных слов описано в трудах современных отечественных и зарубежных лингвистов [11–14, 19, 20].

А.А. Потемне принадлежит также точка зрения о ведущем положении синтаксиса в области грамматики. В дальнейшем ее поддерживал и развивал в своих трудах И.И. Мещанинов. В 20–40-х гг. прошлого века ее разделяли практически все типологи нашей страны, и к 70-м гг. она стала актуальна в лингвистическом мире [21. С. 45]. Ср. в этой связи теорию контекстного переосмысления (context-induced reinterpretation) Б. Хайне [12].

В лингвистической литературе представлено и противоположное мнение. Его сторонники считают, что взаимодействие слов как единиц морфологии (граммем) и более сложных структур языковой системы – словосочетаний и предложений определяется в диахронии принципом влияния единиц более низкого уровня на явления более высокого уровня, а не в обратном порядке. В этой связи приводятся примеры совпадения в результате редукции гласных падежей, которые трактуются как явление омонимии [22. С. 84].

Как будет показано ниже, именно изменения в синтаксисе обуславливают изменения на морфологическом уровне. Редукция соответствующих морфологических формантов, выражающих в языке определенные значения, становится возможной, когда в его системе уже существуют другие средства для выполнения данных функций, так как постоянный процесс коммуникации предполагает их постоянную вербализацию (и неважно, средствами какого уровня языковой системы). Таким образом, именно системная избыточность обеспечивает соответствующие преобразования на морфологическом уровне.

Наиболее распространенным примером влияния единиц синтаксического уровня на преобразования в морфологической подсистеме является развитие аналитических форм, когда в результате грамматикализации единицы, структурированные на уровне синтаксиса, становятся единым образованием и получают статус единицы морфологического уровня. Об этом еще в 1888 г. писал А.А. Потебня: «Всякое из описательных времен возникает из составного сказуемого» [9. С. 22].

Изучая такого рода изменения в языковой системе, приводящие к преобразованию в морфологии, В.В. Виноградов приходит к заключению, что в процессе развития языка происходит сдвиг в отношениях между синтаксическим и морфологическим уровнями в сторону последнего: «История морфологических элементов и категорий – это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно» [23. С. 31].

Проблему аналитических форм, возникших в результате грамматикализации синтаксических конструкций, на материале немецкого и других германских языков изучали ведущие отечественные германисты: В.М. Жирмунский [24], М.М. Гухман [25], О.И. Москальская [26]. Ср. в этой связи работы по грамматикализации современных отечественных [19, 20] и зарубежных лингвистов [11–14].

Фактический языковой материал истории немецкого языка показывает, что его развитие сопровождалось становлением целого ряда новых глагольных форм времен, залогов, наклонений, первые из которых появились уже в древневерхненемецком языке. Подобное расширение глагольной парадигмы за счет аналитических конструкций привело к изменению статуса уже существующих флективных форм и отражало происходящие в системе языка сдвиги между морфологией и синтаксисом, обусловленные последним.

Рассматривая преобразования в морфологии и подчеркивая влияние на эти процессы синтаксического уровня, следует, однако, еще раз отметить релевантность лексических единиц в диахронических процессах. В связи с этим нельзя забывать, что, например, развитие сложных форм глагола, пополнивших его парадигму, было обусловлено наличием в языковой системе соответствующего «лексического материала» –

лексических единиц с широкой семантикой. Именно глаголы с более широким (общим) значением, например со значениями «иметь» (*обладать*), «начинать» (*становиться*) и т.д., получают в результате грамматикализации статус служебных глаголов.

Интересным примером, подтверждающим приоритет лексики перед грамматикой в процессе развития языковой системы, является процесс становления модальных глаголов в немецком языке [27]. Их формирование стало возможным благодаря наличию в системе еще готского, а затем древневерхненемецкого языков лексических единиц с соответствующей семантикой. Именно эти лексемы послужили основой тех преобразований, которые в результате контекстного переосмысления их семантики привели к формированию в немецком языке модальных глаголов [28]. Возникновение модальных глаголов, взявших на себя функции выражения внутренней модальности, которые до этого вербализовали глагольные формы опатива и императива, позволило не только существенно расширить спектр этих функций, но и привело к перестройке всей системы наклонений в немецком языке. Импульсом к такому преобразованию целого пласта грамматической подсистемы послужили опять-таки соответствующие предпосылки на лексическом уровне [27, 29].

Приведенные выше примеры, свидетельствующие о значимости семантических параметров словарного состава языка для преобразования его грамматической подсистемы, подтверждают тезис классиков отечественного языкознания о первичности лексического перед грамматическим в процессе развития языка.

На синхронном срезе также имеет место взаимодействие между грамматическими и лексическими единицами языка, которое происходит непрерывно. (Ср. в этой связи положение о том, что лексика влияет на все грамматические сферы языка, проникая во все ее единицы – синтаксические структуры, словоформы и морфемы.) Влияние это так разносторонне и глубоко, что «делает невозможным изучение образования, значения и употребления грамматических единиц без учета фактов словаря» [30. С. 78].

Представленный выше анализ лингвистической литературы и языкового материала подтверждает положение о том, что изменения в системе языка протекают в следующей последовательности: перестройка в организационных принципах лексического состава имени и глагола ведет к соответствующим преобразованиям синтаксического уровня, что вызывает трансформацию на морфологическом уровне, который обслуживает вышестоящий уровень синтаксиса [8. С. 11]. Другими словами, в «морфологическом развитии языка проявляется взаимодействие всех его аспектов» [Там же. С. 12].

Изучение лингвистического материала с учетом иерархической зависимости единиц одного уровня от явлений другого уровня языковой системы показывает наибольшую неоднородность и консервативность морфологического уровня по сравнению с лексическим и синтаксическим. Поэтому, прежде всего, в морфологической подсистеме языка можно выявить единицы и структуры, представляющие собой своего рода «отпечатки» прошлого – элементы прошедших периодов развития языковой системы, существование которых объясняется произошедшими или происходящими в синтаксисе или в лексике процессами. В этой связи следует еще раз упомянуть о супплетивных формах глагола, прилагательных и наречий в индоевропейских языках, представляющих собой в современный период их существования исключения. С исторической точки зрения они объясняются как пережиток прошедших этапов в развитии языка.

Тогда при описании морфологической подсистемы языка следует руководствоваться отмеченной выше гетерогенностью морфологического уровня, отражающей постоянную динамику языковой системы, которую необходимо учитывать при выборе метода описания категорий морфологии. В свою очередь метод лингвистического описания отвечает критерию адекватности объекту исследования, если его использование дает возможность показать онтологические характеристики языка и, в частности, сочетание элементов «нового» и «старого», отражающих происходящие в языковой системе изменения.

Именно выбором метода при описании морфологических категорий объясняются представленные в научной литературе различные трактовки как глагольных, так и именных парадигм в одном и том же языке, примеры которых даны в вводной части данной статьи. Как показывают исследования, ученые расходятся во мнениях в отношении одних и тех фактов того же самого языка в тех случаях, когда одна часть слов дифференцирует большее количество словоформ, чем другая. Тогда при описании соответствующих категорий глагола или имени представители различных лингвистических школ используют разные методы: дифференцирующий или унифицирующий. Выделяют унифицирующий метод описания по образцу более дифференцированной парадигмы и унифицирующий метод по типу менее дифференцированной парадигмы. Согласно дифференцирующему методу отдельные морфологические категории могут быть реализованы в системе языка одновременно несколькими парадигмами с различным числом словоформ [31. С. 195].

Исследование и результаты

Унификация как метод описания морфологических категорий распространена при трактовке парадигмы английского глагола, хотя

вопрос о количестве словоформ в его парадигме также вызывает много споров среди лингвистов. Например, Р. Кверк и его соавторы различают в обычной парадигме глагола пять форм [32. С. 70], стремясь по возможности объединить форму и функцию грамматических элементов. Такой подход выгодно отличает данную грамматику от английских грамматик, авторы которых объясняют представленную в их трудах чрезмерную формализацию требованием «непротиворечивости» к морфологическому описанию. Так, Дж. Керм устанавливает для английского глагола очень разветвленное спряжение, исходя из иного, чем у Р. Кверка, понимания формы [33. С. 203]. Под углом зрения омонимии эту проблему рассматривает и Р.Р. Хаддлстон [34], в то время как у Р. Кверка в глагольной парадигме омонимия практически отсутствует. Современные исследователи также не едины в этом вопросе [35, 36].

Таким образом, проблема выбора метода описания морфологических категорий связана с проблемой омонимии и, в частности, с вопросом определения статуса тождественных форм в морфологической микро- и макропарадигмах. Как уже упоминалось выше, в соответствии с дифференцирующим методом морфологические категории могут быть представлены в системе языка одновременно несколькими парадигмами с различным числом словоформ. Такой подход предполагает отрицание явления омонимии в парадигме с меньшим количеством словоформ и позволяет трактовать тождественные формы в микропарадигме как синкретичные, хотя традиционно их интерпретируют как омонимы. При определении состава парадигмы одного подкласса слов по аналогии с парадигмой другого подкласса, который содержит большее число словоформ (унифицирующий метод), в описание вводят омонимичные формы. Следовательно, выбор метода морфологического описания определяется тем, как понимается статус тождественных форм в парадигме – как омонимичных или как синкретичных.

Синкретичная форма является укрупненной граммемой. Она идентифицируется на фоне дифференциации соответствующих однородных граммем в другой части морфологической подсистемы изучаемого языка в определенный период его истории, т.е. на фоне дискретизма [37. С. 21]. «Омонимия заключается в совпадении в одном элементе выражения двух или более элементов *разного категориального содержания* (выделено мной. – Н.Ж.)» [38. С. 196]. Граммемы одной категории входят в одну оппозицию и, являясь ее членами, имеют общую основу противопоставления – общее грамматическое значение соответствующей категории. Поэтому их неправомерно трактовать как формы с разным категориальным содержанием и, соответственно, как омонимичные. Тогда внутрикатегориальная омонимия в микропарадигме исключается, а ее тождественные формы являются синкретичными. Следовательно, возможна лишь межкатегориальная омонимия.

Согласно дифференцирующему методу одновременно несколько парадигм с различным числом словоформ могут представлять в языковой системе отдельные морфологические категории. В существовании подобных подклассов реализуются на синхронном срезе соответствующие изменения в морфологии, постепенный характер которых возможно отразить в описании объекта только при использовании дифференцирующего метода. Напротив, при унифицирующем описании данное онтологическое своеобразие языка – состояние постоянного движения и изменения – остается вне поля зрения исследователя и, соответственно, «теряется» при описании системы языка. Это касается, например, изменения отношений между синтаксисом и морфологией, так как унифицирующий метод не позволяет показать передачу ряда функций от морфологических единиц к синтаксическим при выражении целого ряда значений. Подобный сдвиг от морфологического уровня к синтаксическому имел место в системе английского языка, что постепенно привело к смене его типологических характеристик, и современный английский язык в плане цельносистемной типологии является языком изолирующего типа.

Парадигма древнеанглийского глагола мало чем отличалась от глагольной подсистемы других древнегерманских языков: не все личные формы множественного числа маркировались однозначными окончаниями. Однако в единственном числе в настоящем времени изъявительного наклонения все формы имели свои маркеры лица в большинстве диалектах, в более позднем нортумбрийском диалекте окончание 3-го лица совпало с окончанием 2-го л., как и в языке древнеисландского периода. Ср.:

Древнеанглийский			
Настоящее время изъявительного наклонения			
Ед. ч. 1.	-u, -e	мн. ч.	-aþ
2.	-es, -(e)st		
3.	-(e)þ		

Не анализируя сам процесс преобразования глагольной парадигмы в английском языке, сравним ее с аналогичной парадигмой современного языка: (I, you, we, they) *go* – *goes* (he, she).

Представители унифицирующего описания приравнивают количество словоформ в парадигме регулярных глаголов к числу граммем в парадигме глагола «to be».

В глагольной парадигме шведского языка имели место преобразования по аналогии с парадигмой английского глагола:

Древнешведский	
Настоящее время индикатив	
Ед. ч. 1. <i>kræv-er</i>	Мн. ч. 1. <i>kræv-ium</i>
2. <i>kræv-er</i>	2. <i>kræv-in</i>
3. <i>kræv-er</i>	3. <i>kræv-id</i>

В современной парадигме шведского глагола его форма, как правило, одинаковая для обоих чисел и всех лиц: Jag (du, han, vi, ni, de) *läser*.

В этой связи целесообразно сопоставить парадигмы глаголов древнешведского и древнеисландского языков:

Древнеисландский	Древнешведский
Настоящее время изъявительного наклонения	
Ед. ч. 1. <i>help</i>	Ед. ч. 1. <i>hialp-er</i>
2. <i>help-r</i>	2. <i>hialp-er</i>
3. <i>help-r</i>	3. <i>hialp-er</i>
Мн. ч. 1. <i>hjalp-um</i>	Мн. ч. 1. <i>hialp-um</i>
2. <i>hjalp-iþ</i>	2. <i>hialp-in</i>
3. <i>hjalp-a</i>	3. <i>hialp-a</i>

В единственном числе в древнешведском языке совпадали все три лица, а в древнеисландском – 2-е и 3-е лицо; во множественном числе в обоих языках различались все три лица. Как следует из языкового материала, парадигма лица и числа глагола в древнеисландском языке практически не отличалась от древнешведской парадигмы лица (числа). Однако в шведском языке, наряду с другими скандинавскими языками (аналогично в английском языке), функция объективации семантики лица и числа перешла от глагольных флексий к личным местоимениям и именам существительным в единственном или во множественном числе. Раньше всего этот процесс начался и завершился в системе датского языка. В норвежском и шведском языках он проходил медленнее. В исландском языке он совсем не имел места: словоизменительная подсистема осталась в своем древнем состоянии.

Приведенный пример с исландским языком и его сопоставление с другими германскими языками подтверждают положение о том, что только одни фонетические процессы не могут быть причиной кардинальных морфологических изменений:

Древнеисландский	Современный исландский
Настоящее время изъявительного наклонения	
Ед. ч.	
1. <i>kall-a</i>	<i>kall-a</i>
2. <i>kall-ar</i>	<i>kall-ar</i>
3. <i>kall-ar</i>	<i>kall-ar</i>

Множественное число

1. <i>kall-um</i>	<i>kall-um</i>
2. <i>kall-iŷ</i>	<i>kall-iŷ</i>
3. <i>kall-a</i>	<i>kall-a</i>

Для этого необходимы определенные изменения на синтаксическом уровне, обуславливающие, в свою очередь, соответствующие морфологические преобразования. Особый интерес в этой связи представляет статья А.И. Смирницкого, посвященная взаимосвязи между историей грамматической подсистемы имени и редукцией гласных в системах германских языков. В ней классик отечественной германистики убедительно показал, что с точки зрения редукции гласных шведский мало чем отличался от исландского языка, и в нем, как и в исландском, не имели место какие-либо существенные разрушения безударных конечных слогов со времен древних рукописей. Однако в отличие от исландского, в шведском языке наблюдаются резкие *сдвиги в морфологической подсистеме* (выделено мной. – Н.Ж.) [39. С. 195].

В немецком языке, как и в других рассмотренных выше германских языках, двусоставная структура предложения, в отличие от исландского языка, является облигаторной. Этим объясняются характерный для немецкого языка переход функций выражения лица и числа с морфологического уровня на синтаксический и образование соответствующей синтаксической парадигмы. Также синтаксическими средствами в основном объективируются в современном немецком языке значения волеизъявления и косвенности. О синтаксических категориях волеизъявления / неволеизъявления и косвенности / некосвенности см.: [40, 41].

Использование дифференцирующего метода при изучении морфологических категорий современного немецкого языка позволяет адекватно оценить их статус в его системе с учетом произошедших в предшествующие периоды истории языка изменений, которые привели к развитию синтаксических категорий, дублирующих функции аналогичных категорий морфологического уровня. Сосуществование в системе языка и синтаксических, и морфологических категорий для вербализации одних и тех же значений делает последние избыточными.

Такая избыточность является следствием произошедшего в немецком языке сдвига от морфологии к синтаксису при выражении целого ряда значений и обеспечивает безболезненные для процесса коммуникации дальнейшие преобразования в его системе (подробно о роли системной избыточности в языке см.: [42]). Подобные изменения в немецком языке отражаются на синхронном срезе в существовании в его глагольной подсистеме различных видов парадигм, а именно: полной, редуцированной и сверхполной.

Примером полной парадигмы являются парадигмы большинства глаголов современного немецкого языка, таких как «leben», «gehen», «fragen» и т.д. В полной парадигме представлены синкретичные формы исключительно неразрешимого синкретизма, например: (wir, sie) *leben*; (ich, er) *lebte*. Синкретизм считается разрешимым, если в его пределах по аналогии можно подобрать единицы, эксплицитно противопоставленные в парадигме. Если таких аналогий нет, то синкретизм является неразрешимым. О разрешимом и неразрешимом синкретизме см.: [43. С. 147].

Редуцированную парадигму презентуют в современном немецком языке претерито-презентными глаголами и глаголами с основой на -z, -tz, -x, -s, -ss, -ß и другие согласные. В отличие от полной парадигмы в ее состав входит синкретичная в отношении лица форма, которая представляет собой укрупненную грамему 1-го и 3-го лица ед. ч. презенса, например (ich, er) *soll*. Полная парадигма имеет в единственном числе презенса три грамемы лица, редуцированная парадигма – две.

Сверхполной парадигмой является парадигма глагола «sein», так как она имеет четыре дополнительные оппозиции по сравнению с полной парадигмой и поэтому отличается от нее асимметричностью строения. Асимметричной по отношению к полной парадигме будет и редуцированная парадигма.

Заключение

Как грамматические системы, так и грамматические подсистемы в языке характеризует симметрия их строения, которая может нарушаться в некоторых звеньях языковой системы. Подобные асимметричные участки представляют собой либо явления, сохранившиеся от предшествующих периодов развития языка, либо явления нарождающиеся.

Асимметричная парадигма глагола «sein» на фоне полной парадигмы как раз подтверждает статус супплетивных образований как явлений архаичных и иррегулярных, которые не могут служить образцом для построения парадигмы регулярных глаголов, составляющих большинство в немецком языке.

Асимметрия в строении редуцированной парадигмы на фоне полной отражает на синхронном срезе происходящие изменения в немецком языке – постепенную передачу ряда функций от морфологического уровня к синтаксическому в соответствии с типологически релевантными преобразованиями всей системы современного немецкого языка.

Обобщая изложенное выше, можно констатировать, что дифференцирующий метод описания морфологических категорий, позволяющий выделить различные типы парадигм, дает возможность показать существующие на синхронном срезе морфологической подсистемы явления различной хронологической давности и различной значимости для совре-

менного состояния немецкого языка и его дальнейшего развития. Следовательно, данный метод передает неоднородность морфологического уровня, являющуюся его онтологической характеристикой.

Литература

1. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М. : Едиториал УРСС, 2008. 432 с.
2. *Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik. Leipzig : Langenscheidt, 2005. 743 s.
3. *Flämig W.* Grammatik des Deutschen : Einführung in Struktur und Wirkungszusammenhänge. Berlin: Akad. Verl., 1998. 640 s.
4. *Thieroff R., Vogel P.* M. Flexion. Heidelberg : Winter, 2009. 100 s.
5. *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М. : Языки славянской культуры, 2002. 752 с.
6. *Зализняк А.А.* О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М. : Наука, 1973. С. 53–87.
7. *Елисеев Ю.С.* Краткий грамматический очерк финского языка // Кукконен О.В., Лехмус Х.И., Линдрос И.А. Финско-русский словарь. М., 1995. С. 607–672.
8. *Климов Р.А.* К типологической реконструкции // Вопросы языкознания. 1980. № 1. С. 3–12.
9. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1968. Т. II (1888 г.). 536 с.
10. *Мещанинов И.И.* Проблемы развития языка. Л. : Наука, 1975. 351 с.
11. *Lehmann Ch.* Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch. Erfurt : Seminar für Sprachwissenschaft der Universität, 2002. 183 s.
12. *Heine B.* Grammaticalization // The handbook of historical linguistics / ed. by B.D. Joseph, R.D. Janda. Oxford : Blackwell, 2003. P. 575–602.
13. *Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 398 p.
14. *Hopper P.J., Traugott E.C.* Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 256 p.
15. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л. : Наука, 1978. 386 с.
16. *Жирмунский В.М.* Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии // Общее и германское языкознание. Л. : Наука, 1976. С. 26–60.
17. *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М. : Наука, 1982. 357 с.
18. *Фортуатов Ф.Ф.* Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1956. Т. 1. 450 с.
19. *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М. : Языки славянской культуры, 2005. 480 с.
20. *Сичинава Д.В.* Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 446 с.
21. *Климов Г.А.* Типологические исследования в СССР (20–40-е гг.). М. : Наука, 1981. 111 с.
22. *Хлебникова И.Б.* Характер взаимовлияния морфологических и синтаксических единиц в диахронии (на материале английского языка). Тезисы докладов. Седьмая научная конференция по вопросам германского языкознания. М., 1987. С. 83–85.
23. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк., 1986. 640 с.
24. *Жирмунский В.М.* Об аналитических конструкциях // Общее и германское языкознание. Л. : Наука, 1976. С. 82–125.

25. *Гухман М.М.* Глагольные аналитические конструкции как особый вид сочетаний частичного и полного слова. (На материале истории немецкого языка) // Вопросы грамматического строя. М. : АН СССР, 1955. С. 322–586.
26. *Москальская О.И.* Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью // Вопросы языкознания. 1961. № 5. С. 87–93.
27. *Жукова Н.С., Бабакина Т.Н.* Формирование класса модальных глаголов в немецком языке. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 212 с.
28. *Babakina T.N., Zhukova N.C.* On Degrammaticalization Process in Gothic: Tendency of its Development and Occurrence Mechanism // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 206. P. 8–13.
29. *Zhukova N.S., Babakina T.N.* Peculiarities of the Development of the Modal System in German // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 200. P. 587–594.
30. *Шендельс Е.И.* Взаимодействие между лексическими и грамматическими значениями // Шендельс Е.И. Избранные труды. М. : МГЛУ, 2006. С. 74–90.
31. *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. М. : Наука, 1977. 288 с.
32. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Grammar of Contemporary English. London : Longman Group Ltd., 1997. 1120 p.
33. *Curme G.* A grammar of the English language. Parts of Speech and Accidence. New York ; London : Barnes & Noble, 1965. 370 p.
34. *Huddleston R.* Homonym in the English Verbal Paradigm // Amsterdam: Lingua. 1975. Vol. 37, № 2. P. 151–158.
35. *Koeger P.* Analyzing Grammar. An Introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 383 p.
36. *Aarts B., Chalker S., Weiner E.* Oxford Dictionary of English Grammar. Oxford : Oxford University Press, 2014. 465 p.
37. *Ермолаева Л.С.* Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М. : Высш. шк., 1987. 126 с.
38. *Шендельс Е.И.* О грамматической омонимии (на материале немецкого языка) // Избранные труды. М. : МГЛУ, 2006. С. 189–204.
39. *Смирницкий А.И.* Взаимоотношение между редукцией гласных и историей грамматической системы имени в германских языках // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1951. Вып. 2. С. 184–197.
40. *Жукова Н.С.* О статусе императива в современном немецком языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2004. Т. 2, вып. 1. С. 30–36.
41. *Zhukova N.S.* Systemwert des Konjunktivs der indiekten Rede in der deutschen Gegenwartssprache // Jahrbuch für Internationale Germanistik. Bd. 4 (80). Bern : Peter Lang, 2008. S. 121–126.
42. *Zhukova N.S.* «Structural-systemic» Redundancy as Manifestation of Typological Features in Modern German // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 206. P. 96–102.
43. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. М. : КомКнига, 2006. 248 с.

Сведения об авторе:

Жукова Нина Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: shukovans@mail.ru

Поступила в редакцию 29 октября 2016 г.

HETEROGENEITY OF MORPHOLOGICAL SUBSYSTEM UNITS AND THE METHODS OF ITS DESCRIPTION

Zhukova Nina S., Ph.D., Associate Professor, Department of Foreign Languages, Energy Institute, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: shukovans@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/36/2

Abstract. The article deals with a linguistic morphological subsystem the descriptions of which don't demonstrate any consensus of opinion. On the basis of analysis of special literature and language material it was shown that the absence of consensus as to the division of morphological categories can be explained not only by the complex and contradictory nature of the studied object but also by the diversity of opinion of methodological character and the use of different methods of linguistic description. In this connection the article provides a scientific justification for the usage of differentiating method in describing the morphological categories of Modern German, because it allows one to distinguish different types of verbal paradigms and so to show in accord with the ontological heterogeneity of morphological subsystem the phenomena which exist in its synchronic cut and have different chronological remoteness and different relevance for the modern state of the German language and its further development.

Keywords: morphological categories; differentiating method; unifying description; syncretism; homonymy; suppletivity; complete, reduced and overcomplete paradigms; heterogeneity.

References

1. Shherba L.V. (2008) *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow: Editorial URSS.
2. Helbig G., Buscha J. (2005) *Deutsche Grammatik* [German grammar]. Leipzig: Langenscheidt.
3. Flämig W. (1998) *Grammatik des Deutschen: Einführung in Struktur und Wirkungszusammenhänge* [Grammar of the German: Introduction to structure and effects]. Berlin: Akad. Verl.
4. Thieroff R., Vogel P.M. (2009) *Flexion*. Heidelberg: Winter.
5. Zaliznjak A.A. (2002) *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu jazyku i obshhemu jazykoznaniju)* [Russian nominal inflection (with the application of selected works by contemporary Russian language and general linguistics)]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
6. Zaliznjak A.A. (1973) O ponimanii termina «padezh» v lingvisticheskikh opisaniyah [About the understanding of the term "case" in the language descriptions] // *Problemy grammaticheskogo modelirovanija - Problems of grammatical modeling*. Moscow: Nauka. pp. 53-87.
7. Eliseev Ju.S. (1995) Kratkij grammaticheskij ocherk finskogo jazyka [A brief grammatical sketch of the Finnish language] // *Finsko-russkij slovar' - Finnish-Russian Dictionary*. Moscow. pp. 607-672.
8. Klimov P.A. (1980) K tipologicheskoj rekonstrukcii [To typological reconstruction] // *Voprosy jazykoznaniya - Questions of linguistics*. 1. pp. 3-12.
9. Potebnja A.A. (1968) *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Vol. II. Moscow: Uchpedgiz.
10. Meshhaninov I.I. (1975) *Problemy razvitiya jazyka* [Problems of language development]. Leningrad: Nauka.
11. Lehmann Ch. (2002) *Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch*. Erfurt: Seminar für Sprachwissenschaft der Universität.

12. Heine B. (2003) Grammaticalization. *The handbook of historical linguistics*. Oxford: Blackwell. pp. 575–602.
13. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. (1994) *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
14. Hopper P.J., Traugott E.C. (2003) *Grammaticalization. Second edition*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Meshchaninov I.I. (1978) *Chleny predlozhenija i chasti rechi* [Members of the proposals and parts of speech]. Leningrad: Nauka.
16. Zhirmunskij V.M. (1976) Vnutrennie zakony razvitiya jazyka i problema grammaticeskoy analogii [The internal laws of language development and the problem of grammatical analogy] // *Obshee i germanskoe jazykoznanie - General and German Linguistics*. Leningrad: Nauka. pp. 26-60.
17. Panfilov V.Z. (1982) *Gnoseologicheskie aspekty filosofskih problem jazykoznanija* [Epistemological aspects of philosophical problems of linguistics]. Moscow: Nauka.
18. Fortunatov F.F. (1956) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 1. Moscow: Uchpedgiz.
19. Majsak T.A. (2005) *Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii* [Typology of constructions grammaticalization with verbs of motion and verbs of position]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
20. Sichinava D.V. (2005) *Tipologija glagol'nyh sistem s sinonimiej bazovyh jelementov paradigm* [Typology of verbal systems with the synonymy of paradigm basic elements]. Abstract of Doctoral Diss. Moscow.
21. Klimov G.A. (1981) Tipologicheskie issledovanija v SSSR (20–40-e gg.) [Typological studies in the USSR (20–40th years).]. Moscow: Nauka.
22. Hlebnikova I.B. (1987) *Harakter vzaimovlijanija morfologicheskikh i sintaksicheskikh edinic v diahronii (na materiale anglijskogo jazyka)* [Type of mutual influence of morphological and syntactic units in diachrony (on a material of English language)]. Abstracts. Seventh Scientific Conference on German Linguistics. Moscow. pp. 83-85.
23. Vinogradov V.V. (1986) *Russkij jazyk. Grammaticeskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow: Vyssh. shk.
24. Zhirmunskij B.M. (1976) Ob analiticheskikh konstrukcijah [Analytic constructions] // *Obshee i germanskoe jazykoznanie - General and German Linguistics*. Leningrad: Nauka. pp. 82-125.
25. Guhman M.M. (1955) Glagol'nye analiticheskie konstrukcii kak osobyj vid sochetanij chastichnogo i polnogo slova. (Na materiale istorii nemeckogo jazyka) [Verbal analytical constructions as a special kind of partial and full speech combinations. (On a material of the history of the German language)] // *Voprosy grammaticeskogo stroja - Issues of grammatical structure*. Moscow: AN SSSR. pp. 322-586.
26. Moskal'skaja O.I. (1961) Ustojchivye slovosochetaniya s grammaticeskoy napravlenost'ju [Stable phrases with grammatical orientation] // *Voprosy jazykoznanija - Issues of linguistics*. 5. pp. 87-93.
27. Zhukova N.S., Babakina T.N. (2012) *Formirovanie klassa modal'nyh glagolov v nemeckom jazyke: monografija* [Formation of the class of modal verbs in German: monograph]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
28. Babakina T.N., Zhukova N.C. (2015) On Degrammaticalization Process in Gothic: Tendency of its Development and Occurrence Mechanism // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 206. pp. 8-13.
29. Zhukova N.S., Babakina T.N. (2015) Peculiarities of the Development of the Modal System in German // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 200. pp. 587-594.
30. Shendel's E.I. (2006) Vzaimodejstvie mezhdz leksicheskimi i grammaticheskimi znachenijami [The interaction between the lexical and grammatical meanings] // *Shendel's E.I. Izbrannye trudy - Shendels E.I. Selected works*. Moscow: MGLU. pp. 74-90.
31. Bulygina T.V. (1977) *Problemy teorii morfologicheskikh modelej* [Problems of morphological model theory]. Moscow: Nauka.

32. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. (1997) *A Grammar of Contemporary English*. London: Longman Group Ltd.
33. Curme G. (1965) *A grammar of the English language. Parts of Speech and Accidence*. New York; London: Barnes & Noble.
34. Huddleston R. (1975) *Homonym in the English Verbal Paradigm*. Amsterdam: Lingua. Vol. 37, 2. pp. 151-158.
35. Koeger P. (2005) *Analyzing Grammar. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
36. Aarts B., Chalker S., Weiner E. (2014) *Oxford Dictionary of English Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
37. Ermolaeva L.S. (1987) *Očerki po sopostavitel'noj grammatike germanskih jazykov* [Essays on the comparative grammar of the German language]. Moscow: Vysshaja shkola.
38. Shendel's E.I. (2006) O grammaticheskoi omonimii (na materiale nemeckogo jazyka) [About the grammatical homonyms (on a material of German language)] // *Shendel's E.I. Izbrannye trudy - Shendels E.I. Selected works*. Moscow: MGLU. pp. 189-204.
39. Smirnitskij A.I. (1951) Vzaimootnoshenie mezhdu redukciej glasnyh i istoriej grammaticheskoi sistemy imeni v germanskih jazykah [Mutual relation among the vowels reduction and history of the grammatical name system in the Germanic languages] // *Izvestija AN SSSR - Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. OLJa*. Vol. 2. pp. 184-197.
40. Zhukova N.S. (2004) O statute imperativa v sovremennom nemeckom jazyke [About the status of an imperative in the modern German language] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija - Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. Novosibirsk. Vol. 2. 1. pp. 30-36.
41. Zhukova N.S. (2008) Systemwert des Konjunktivs der indirekten Rede in der deutschen Gegenwartssprache [System value of the subjunctive of the indirect speech in the German present language] // *Jahrbuch für Internationale Germanistik - Yearbook for International German Studies*. 4 (80). Berlin: Peter Lang. pp. 121-126.
42. Zhukova N.S. (2015) «Structural-systemic» Redundancy as Manifestation of Typological Features in Modern German // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 206. pp. 96-102.
43. El'mšev L. (2006) *Prolegomeny k teorii jazyka* [Prolegomena to a Theory of Language]. Moscow: KomKniga.

Received 29 October 2016